

Российская академия наук
Институт восточных рукописей
(Азиатский Музей)

Адрес учредителя: 191186,
г. Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., д. 18.
Адрес редакции: 191186,
г. Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., д. 18.
Адрес издателя: 191186,
Санкт-Петербург, д. 18.
Тел.: +7 (812) 315-87-28
<http://orientalstudies.ru>
mongolica@orientalstudies.ru
kulgan@inbox.ru
dnosov@mail.ru

Регистрационный номер
свидетельства о регистрации
средства массовой информации
ПИ No ФС77-79202
от 22 сентября 2020 г.

Издание осуществлено
при финансовой поддержке
РНФ и Кабинета Министров
Республики Татарстан в рамках
научного проекта № 23-28-10046
и в соответствии с Программой
стратегического академического
лидерства Казанского
(Приволжского) федерального
университета.

ISSN 2311-5939

DOI 10.48612/IVRRAN/dxft-p694-b1d7

MONGOLICA

Санкт-Петербургский журнал монголоведных исследований

Том XXVI • 2023 • № 4

Выходит 4 раза в год

Издается с 1986 г.

Учредитель: ФГБУН

Институт восточных рукописей РАН

Посвящается 155-летию со дня рождения
бурятского ученого и просветителя
Базара Барадиевича Барадийна (1878–1937)

Редакционная коллегия:

- И. В. Кульганек, *главный редактор, доктор филологических наук (Россия)*
Д. А. Носов, *секретарь редколлегии, кандидат филологических наук (Россия)*
М. А. Козинцев, *помощник секретаря (Россия)*
Г. Билгуудэй, *доктор филологических наук (Монголия)*
А. Бирталан, *доктор наук (Венгрия)*
Р. М. Валеев, *доктор исторических наук (Россия)*
Л. С. Дампилова, *доктор филологических наук (Россия)*
И. В. Зайцев, *доктор исторических наук, профессор РАН (Россия)*
Ж. Легран, *доктор наук, профессор (Франция)*
В. Капишовска, *доктор наук (Чехия)*
Э. Мунхцэцэг, *кандидат филологических наук (Монголия)*
С. Л. Невелева, *доктор филологических наук (Россия)*
К. В. Орлова, *доктор исторических наук (Россия)*
М. П. Петрова, *кандидат филологических наук (Россия)*
Р. Поп, *доктор наук (Румыния)*
Ц. Саранцацрал, *доктор филологических наук (Монголия)*
Т. Д. Скрынникова, *доктор исторических наук, профессор (Россия)*
С. Чулуун, *академик МАН (Монголия)*
Е. Э. Хабунова, *доктор филологических наук (Россия)*
Н. Хишигт, *кандидат исторических наук (Монголия)*
Н. С. Яхонтова, *кандидат филологических наук (Россия)*

Оригинал-макет – М. В. Алексеева

Литературные редакторы и корректоры – Д. А. Носов, И. В. Кульганек

Технический редактор – М. А. Козинцев

Подписано в печать 11.12.2023

Формат 60×90 1/8. Объем 10 печ. л. Заказ №

Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Свое издательство»,

Адрес типографии: 191040. Санкт-Петербург. Пушкинская ул., 4.

e-mail: editor@isvovoe.ru

12+

© Институт восточных рукописей РАН
(Азиатский Музей), 2023

© Коллектив авторов, 2023

В НОМЕРЕ:

Т.В. Ермакова. Жизненный путь и научные труды Базара Барадиевича Барадийна (1878–1937) 5

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

Балжинням Дэмбэрэлмаа. Сопоставительный анализ концепта «Душа/Сэтгэл» на материале толковых словарей русского и монгольского языков..... 13

О. К. Баваева. О переводе двух стихотворений Д. Н. Кугультинова..... 23

Бадамжав Батжаргал. Магсар Хурцын Дугаржав (1893–1946) – первый монгол, изучивший европейскую нотную грамоту (*Пер. с монгольского и подготовка к печати М. П. Петровой*)..... 29

СМЕЖНЫЕ ДИСЦИПЛИНЫ

С. Л. Бурмистров. Понятие пустоты в Йогачаре..... 37

Р. Н. Крапивина. Ачарья Камалашила о Пути Махаяны согласно Сутре Сердца..... 48

А. С. Сараев. Сколько этносов «тюрк» существовало в эпоху тюркских каганатов? (Три концепции С. Г. Кляшторного и незамеченная концепция Л. Н. Гумилева) 54

А. Н. Базанов, К. А. Бекетов, Н. К. Бекетова, А. Б. Гришин, Ли Чжуанчжи. Опыт перспективного конструирования межкультурных коммуникаций. Отчет о работе в провинции Гуандун (КНР) в июне 2023 г.) 74

ИЗ АРХИВОВ ВОСТОКОВЕДОВ

Т. Д. Скрынникова, Н. С. Яхонтова. Неопубликованный доклад академика Б. Я. Владимирцова (1931 г.) 81

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Т. В. Ермакова. Конференция «Актуальные проблемы буддологических и индологических исследований – 14, 15» (Санкт-Петербург, 20 марта и 28 июня 2023 г.) 106

РЕЦЕНЗИИ

К. В. Орлова. Рец. на: Лепехов С. Ю. Формирование религиозно-философских и логико-эпистемологических концепций буддизма Махаяны / отв. ред. Б. В. Базаров. – Иркутск: «Оттиск», 2022. – 376 с. (Series “Pax buddhica”) 110

Е. П. Островская. Рец. на: Болтач Ю. В. Культы и практики раннего корейского буддизма в сюжетах «Самгук Юса». — Санкт-Петербург: ИД «Гиперион», 2023. — 464 с. 114

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of Oriental Manuscripts
(Asiatic Museum)

MONGOLICA

Saint Petersburg journal for Mongolian studies

Vol. XXVI • 2023 • No. 4

The journal is published four times a year.

Published since 1986

Founder: Federal State Institution of Science
Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy
of Sciences

**Dedicated to the anniversary of Russian scholar and
educator from Buryatia Bazar Baradievich Baradiin
(1878–1937)**

191186, Russian Federation
Saint Petersburg,
Dvortsovaya Emb., 18
Phone: +7 (812) 315-87-28
<http://orientalstudies.ru>
mongolica@orientalstudies.ru
kulgan@inbox.ru
dnosov@mail.ru

Editorial board:

I. V. Kulganek — *editor-in-chief, D. Sc. (Philology),
Russian Federation*

D. A. Nosov — *secretary, Cand. Sc. (Philology),
Russian Federation*

M. A. Kozintcev — *assistant secretary, Russian
Federation*

G. Bilguudei. *D. Sc. (Philology), Mongolia*

A. Birtalan. *Ph. D., Hungary*

S. Chuluun. *Academician of the Mongolian Academy
of Sciences, Mongolia*

L. S. Dampilova. *D. Sc. (Philology), Russian Federation*

J. Legrand. *D. Sc., Professor, France*

V. Kapishovska. *Ph. D., Czech Republic*

E. E. Khabunova. *D. Sc. (Philology), Russian Federation*

N. Khishigt. *Ph. D. (History), Mongolia*

E. Munkhtsetseg. *Cand.Sc. (Philology), Mongolia*

S. L. Neveleva. *D. Sc. (Philology), Russian Federation*

K. V. Orlova. *D. Sc. (History), Russian Federation*

M. P. Petrova. *Ph. D. (Philology), Russian Federation*

R. Pop. *Ph. D., Romania*

Ts. Sarantsatsral. *D. Sc. (Philology) Mongolia*

T. D. Skrynnikova. *D. Sc. (History), Russian Federation*

R. M. Valeev. *D. Sc. (History), Russian Federation*

N. S. Yakhontova. *Cand. Sc. (Philology), Russian
Federation*

I. V. Zaytsev. *D. Sc. (History), Professor of the Russian
Academy of Sciences, Russian Federation*

ISSN 2311-5939

DOI 10.48612/IVRRAN/dxft-p694-b1d7

© Institute of Oriental Manuscripts RAS

(Asiatic Museum), 2023

© Group of authors, 2023

IN THIS ISSUE:

Tatiana V. Ermakova. The biography and scholarly works by Bazar Baradiin (1878–1937) 5

MONGOLIAN STUDIES

Baljinyam Demberelmaa. Comparative analysis of the concept “Soul/Setgel” based on the explanatory dictionaries of Russian and Mongolian languages 13

Olga K. Bavaeva. About two translated versions of poems by David Kugultinov 23

Badamzhav Batjargal. Magsar Khurtsyn Dugarzhav (1893–1946) – the First Mongol to Study European Musical Notation System (*Translated from Mongolian into Russian and prepared for publication by Maria P. Petrova*)..... 29

RELATED DISCIPLINES

Sergey L. Burmistrov. The concept of emptiness in Yogācāra 37

Raisa N. Krapivina. Acharya Kamalashila on Mahayana Path according to the Heart Sutra 48

Andrei S. Saraev. How many ethnic groups named “Turk” existed in the period of the Turkic khaganates? (Three concepts of S. G. Klyashtorny and one overlooked concept of L. N. Gumilev)..... 54

Andrey N. Bazanov, Konstantin A. Beketov, Natalya K. Beketova, Alexander B. Grishin, Li Zhuangzhi. Experience in prospective design of intercultural communications. Report on work in Guangdong province (PRC) in June 2023..... 74

ARCHIVES OF MONGOLIAN STUDIES

Tatiana D. Skrynnikava, Natalia S. Yakhontova. Unpublished report by Academician B. Ya. Vladimirtsov (1931) 81

REVIEWS

Tatiana V. Ermakova. The 14–15th conference “Current issues of buddhological and indological studies (St. Petersburg, March 20, July 28, 2023) 106

Keemya V. Orlova. Rev. of the book: Lepekhov S.Yu. The Formation of the Religious-Philosophical and Logical-Epistemological Concepts of Mahāyāna Buddhism / Ed. by B. V. Bazarov. Ulan-Ude: Impression, 2022. 376 p. (Series “Pax buddhica”)..... 110

Helena P. Ostrovskaya. Rev. of the book: Boltach, Iuliia V. Cults and practices of early Korean Buddhism in the narratives of Samguk Yusa. St. Petersburg: Hyperion, 2023. — 464 p... 114

А. С. САРАЕВ
Институт востоковедения РАН

СКОЛЬКО ЭТНОСОВ «ТЮРК» СУЩЕСТВОВАЛО В ЭПОХУ ТЮРКСКИХ КАГАНАТОВ? (ТРИ КОНЦЕПЦИИ С. Г. КЛЯШТОРНОГО И НЕЗАМЕЧЕННАЯ КОНЦЕПЦИЯ Л. Н. ГУМИЛЕВА)

Проблема нахождения места этносу «тюрк» (туцзюэ/тюркют) в контексте этнической истории тюркоязычных народов далеко не тривиальна. Народ-эпоним для этноязыковой группы/семьи упорно ускользает от непротиворечивой археологической атрибуции, а сомнение в его реальности высказывалось еще В. В. Бартольдом. В действительности, концепций тюркского этногенеза, основанных не на простом воспроизведении цитат из китайских хроник, совсем не много. Примечательная черта историографии заключается в том, что разные и не во всем согласующиеся гипотезы порой высказывались одним и тем же автором. Нерешенность большинства узловых проблем заставляет рассматривать эти гипотезы не как последовательные этапы развития мысли конкретного исследователя, а как вполне равнозначные для историографии. Таковы концепции С. Г. Кляшторного: о двух этапах сложения древних тюрков; о соотношении названий «Ашина» и «тюрк»; о ранней истории кыпчаков. Схожий набор концепций ранее выдвигался Л. Н. Гумилевым. Среди них особенно интересна незамеченная научным сообществом концепция о двух древнетюркских этносах — «тюркютах» и «голубых тюрках». Анализ и изучению соотношения перечисленных концепций посвящена настоящая статья.

Ключевые слова: тюрки, тюркюты, голубые тюрки, тюркские каганаты, орхонские рунические надписи, Ю. А. Зуев, историография.

Об авторе: САРАЕВ Андрей Сергеевич, соискатель, Институт востоковедения РАН (Россия, Москва). (andrejsaraev@yandex.ru) ORCID 0009-0005-4564-0903.

© ИВР РАН, 2023
© Сараев А. С., 2023

Кто такие тюрки?

Каждая эпоха в истории Евразии оставляет за собой необыкновенное разнообразие тюркоязычных племен и народов, установить преемственность между которыми даже в рамках двух последовательных периодов крайне трудно, а уж протянуть нить от хуннской или хотя бы древнетюркской эпохи к какому-либо современному этносу с приемлемой долей достоверности просто невозможно. О том же свидетельствуют многочисленные подходы к классификации тюркских языков при отсутствии среди них одной общепризнанной схемы.

На контрасте с историей монгольских народов тюркская проблематика выглядит более запутанной. При всех нерешенных частностях

путь от монголов Чингисхана к халха-монголам нового времени более понятен. Ничего подобного нельзя сказать о связи этноса «тюрк» и всех последующих тюркоязычных народов, хотя статус названия «тюрк» как эпонима для целой языковой группы дело рук отнюдь не тюркологов.

Что группу схожих по строю и лексике языков надо объединить под общим названием, осознавал в XI в. Махмуд Кашгарский¹. Несмотря на принадлежность Махмуда Кашгарского в широком значении к арабской культурной традиции, которой обычно приписывают распространение названия «тюрк» на тюркоязычные

¹ Ср. «Для Махмуда “тюрк” — это двадцать племен, восходящих к единому предку... По-моему, мало кто обращал внимание, что в перечисленной двадцатке нет отдельного места для племени “тюрк”» [Кормушин, 2011. С. 10].

народы, черпал он свои представления далеко не только из книг. Да и само избрание арабами слова «тюрк» в качестве эпонима обычно лишь просто констатируется [Бартольд, 1968. С. 40; Golden, 2021. P. 5]. При этом не берется в расчет, что с собственно тюрками (по крайней мере, в эпоху, когда они были реальными гегемонами в степи) арабам фактически взаимодействовать не довелось². Однако как классификационное (подобно «славянам» или «франкам») они усвоили именно наименование «тюрк», и это требует своего объяснения³.

Столь же нелегка судьба названия «тюрк» в европейской науке. Для ученых нового времени никакой очевидной связи между окружавшей их реальностью с турками-османами и прочими «турецко-татарскими» племенами и народом «туцзюэ/тугю»⁴, выявленным в китайских источниках, не существовало. Об этом ясно свидетельствует полемика Иакинфа Бичурина с французскими ориенталистами.

В свое время Дегинь, родоначальник научного кочевниковедения, ссылаясь на некие свидетельства китайских и византийских источников, констатировал, что имя гуннов с падением их могущества исчезло со страниц истории и было замещено названием «тукю» = «тюрк» [Deguignes, 1756. P. 367–368]. На это Бичурин разумно парировал, что строить выводы на основе случайного созвучия недопустимо. В остальном, — что «тукю» правильно называть «дудга» (от монгольского «шлем») и

что они были монголоязычны, — он, конечно, ошибался [Иакинф, 1834. С. 6–7]⁵.

Примечательно, однако, что не только переводы китайских источников о «тугю/туцзюэ/тюрках», но и открытие и расшифровка собственных тюркских рунических текстов на Енисее и Орхоне не развеяли сомнений исследователей относительно существования самостоятельного народа «тюрк».

Широко известно мнение В. В. Бартольда, что тюркские каганаты созданы огузами, что каганский род вышел также из огузов, а название «тюрк» было лишь политонимом [Бартольд, 1968. С. 40, 524, 579–580]. Это мнение могло казаться ни на чем не основанным и вызывать недоумение у коллег [Giraud, 1960. P. 12]⁶. К тому же, в чем именно коренится причина сомнений в реальности тюрков как отдельного народа, Бартольд нигде четко не сформулировал. Но раз подобные сомнения то и дело возникали⁷, очевидно, проблему нельзя считать исключительно надуманной.

⁵ У «шлемной» гипотезы были и другие сторонники. Ср. [Кононов, 1949. С. 41; Golden, 2021. P. 30].

⁶ Коллега и друг В. В. Бартольда А. Н. Самойлович в неопубликованной статье «Турки. Турецкие языки» для «Сибирской советской энциклопедии» высказал близкое, но не тождественное мнение, что первоначально «тюрк» обозначало не группу народов, а какое-то одно конкретное племя или только династию. Р. Жиро, полемизируя с Бартольдом, обратил внимание на заключительную строку надписи Тоньюкука, где слово «бодун» («народ») повторено дважды — отдельно для «тюрков-сиров» (о них далее) и отдельно для огузов. Следовательно, для автора надписи это два разных народа. В переводе С. Е. Малова: «Тюркский Бильгя-каган возвышает народ тюрков-сиров и народ огузов» [Малов, 1951. С. 70].

⁷ Ср. высказывания А. Н. Бернштама: «...если мы попытаемся связать термин “тюрк” с каким-нибудь племенем, то это нам не удастся сделать, так как племена выступают под какими-нибудь другими... терминами, как то: телесы, тардуши, киргизы и т. д.» [Бернштам, 1935. С. 46]; «“Турецкий народ”... является корпорацией господствующей части племен, в которой четко выделяются... в первую очередь — огузы. Судя по текстам, из племени “огуз” и произошли те господствующие прослойки турецкого общества, которые именовали себя “турками” и распространили это название в качестве общеплеменного» [Бернштам, 1935. С. 47]. Некоторая попытка скорректировать прежнее мнение: «Из этого, однако, не следует, что термин *türk* всегда и во всех случаях в текстах фигурирует только как синоним правящей верхушки. Бесспорно, что известную роль в качестве этнонима он выполнял...» [Бернштам, 1946. С. 84].

² Единственная встреча тюрков с арабами («тазик») была краткой и, судя по всему, мирной. Ср. [Кормушин, 2016. С. 112, 115].

³ Встречающиеся в до- и раннеисламской поэзии сочтание «*Turkun/Turkin wa Kābul*», если это не анахронизм (тексты дошли в значительно более поздних записях), имеет стереотипный характер. Вряд ли арабы VI в. представляли, что реально стояло за этими названиями [Kowalski, 1926]. По определению К. Э. Босворта, для арабов рубежа VI–VII вв. «земля тюрков» было аналогом *Ultima Thule* (крайнего предела мира), и ее упоминание свидетельствует лишь о контактах арабов с Ираном. Никаких значимых сведений о тюрках, ни прямых контактов с ними до VIII в. у арабов не было [Босворт, 1981. С. 22–23].

⁴ При цитировании или изложении взглядов того или иного автора применяется та система транскрипции названий, которая используется данным автором в данной его работе. Унифицировать все варианты даже для одного исследователя не представляется возможным.

Отсутствие в тюркских каганатах отдельного народа «тюрк» оказалось закреплено даже в «Большой советской энциклопедии» (второе издание): «В состав каганата входили: карлуки, кыргызы, тардуши, толесы, тюргеши» [Левашева, 1956. С. 549]. Филологические статьи, посвященные выяснению этимологии и семантики названия «тюрк», донесли бартольдовскую традицию до наших дней [Кононов, 1949. С. 40, 47; Благова, 1973. С. 95; Golden, 2021. P. 5].

Действительно, по письменным источникам (включая собственные орхоно-тюркские) этнос «тюрк» представляется не имеющим ни достоверных предков, ни явных потомков. Несмотря на более чем столетние исследования и вопреки, казалось бы, ясным показаниям письменных источников о погребальном обряде, тюрки по-прежнему упорно ускользают от непротиворечивой археологической атрибуции [Азбелев, 2010. С. 29 (примеч. 29); Савинов, 2008. С. 185–186].

Не менее сложен вопрос о языке рунических памятников. При всем понимании его наддиалектного характера разные лингвисты включают его то в огузскую группу [Кондратьев, 1981. С. 9–10, 186; Кормушин, 2020], к которой относится и современный турецкий, то в карлукскую [Сравнительно-историческая, 2002. С. 726], к которой принадлежат современные узбеки и уйгуры (тогда как древние уйгуры — огузы). В любом случае, язык этноса «тюрк» не был определяющим для развития всей тюркской языковой группы/семьи (опять же, в отличие от значения языка монголов Чингисхана для всей монгольской семьи [Кузьменков, 1993. С. 339]).

Таким образом, существует объективная проблема разграничения самостоятельного этноса «тюрк» и «тюрков вообще» и определения места первых в контексте этнической истории вторых.

Решается эта проблема вплоть до настоящего времени сугубо концептуально [Zimonu, 2018], поскольку, как показано выше, источники не дают четких ответов о генезисе «тюрков». Поэтому необходимо выяснить, как и из чего складывались важнейшие концепции собственно тюркского этногенеза и какие возмож-

ности, не замеченные существующей историографией, эти концепции предлагают.

Также следует разделять частные, нередко остроумные, гипотезы от обобщающих концепций. Например, посвятивший немало работ древним тюркам и впервые переведший некоторые источники о них с китайского Ю. А. Зуев, несмотря на множество интересных догадок, связной концепции тюркского этногенеза так и не представил. Итоговую работу о древних тюрках, единственную свою монографию [Зуев, 2002], ему удалось издать только на склоне лет.

Антрополог В. П. Алексеев, много занимавшийся вопросами этногенеза народов Евразии, в обобщающих очерках о происхождении тюркоязычных народов констатировал, что хакасы не потомки кыргызов, азербайджанцы тюрки лишь по языку, а караимы не совсем хазары. Кто такие собственно тюрки, помимо того, что они были монголоиды и оставили рунические надписи, и как они связаны с остальными тюркоязычными народами, он не раскрыл [Алексеев, 1971; Алексеев, 1972. С. 272–288].

Признававшие наличие проблемы Л. Р. и И. Л. Кызласовы [Кызласов, 2011. С. 36] растворили ее, с одной стороны, в археологических частностях, не несущих прямой этнической информации (типология жилых построек и пространственное ориентирование культовых объектов [Кызласов, 2011. С. 87–88, 112–115; Кызласов, 1984. С. 156–158, 162]), с другой, свели проблему к общим фразам о западном векторе культурных импульсов, приведших к сложению древнетюркской культуры, под которой понималась главным образом почему-то «древнехакасская» культура⁸.

⁸ В ходе интервью, специально посвященного происхождению тюрков, И. Л. Кызласов подробно рассказал об археологии Минусинской котловины и сложении «древнехакасской» культуры. На уточняющий вопрос, «как народ тюрк связан с хакасами кроме языка?», И. Л. Кызласов ответил: «Он не связан с хакасами никак». См.: Сообщество «Родина слонов» в социальной сети «ВКонтакте», статья «Тюркский мир»: <https://vk.com/@rodinaslonov-turkskii-mir> (дата обращения: 02.05.2023).

Выведение тюрков за пределы общетюркского контекста, вообще, довольно популярный подход. Не касаясь широко известных, но откровенно тенденциозных построений М. Аджи и М. З. Закиева, объявивших тюрками едва ли не все древнее население Старого Света, упомянем более осторожные концепции этнографов П. И. Пучкова и Д. Е. Еремеева.

Попытка объяснить этнорасовую неоднородность современных тюркоязычных народов привела П. И. Пучкова к мысли об исходной неоднородности пратюрков. Соответственно, европеоидами П. И. Пучков считал и «алтайцев», замечая, впрочем, дискуссионность выделения «алтайской общности» как единого целого. Продвигаясь со своей прародины «где-то в Средней Азии и примыкающих районах Северного Ирана» на восток, «алтайцы» постепенно приобретали монголоидный облик, а затем, в ходе «реверсивного движения в западном направлении» тюркские народы уже повторно «впитывали в себя европеоидные элементы» [Пучков, 1988. С. 9–10].

Согласно Д. Е. Еремееву, этноним «тюрк» иранского происхождения (народ «туров» из «Авесты»), а вместе с этнонимом и сами тюрки тоже иранцы [Еремеев, 1990. С. 131, 133]⁹. Доказывается это списком «иранизмов» в тюркских языках. Список этот, как и сам подход, были обоснованно подвергнуты лингвистической критике [Татаринцев, 1993. С. 115–116].

Последние концепции созданы в явном отрыве от источников. Однако концепции, базирующиеся строго на источниках, также находили возможность рассматривать собственно тюрков как внешнюю по отношению ко всему остальному тюркскому миру силу¹⁰.

⁹ Автор отделяет собственно тюрков от тюркоязычных народов: «...название „тюрк“ не распространяется, например, на огузов, кыргызов, курыкан, хотя огузы, кыргызы — тюркоязычные этносы, а курыканы — одни из предков якутов...» [Еремеев, 1990. С. 132]. Как тогда иранизмы и индоевропеизмы оказались общим наследием всех тюркских языков, Д. Е. Еремеев не объясняет.

¹⁰ Например, недавняя попытка развить основную концептуальную линию С. Г. Кляшторного о согдийском происхождении рода Ашина привела к признанию согдийцами всех собственно тюрков [Тишин, 2022].

Три концепции С. Г. Кляшторного

Наиболее влиятельной в отечественной тюркологии (и в целом в кочевниковедении) является концепция тюркского этногенеза, разработанная С. Г. Кляшторным.

Уже вскоре после своего обнаружения она была высоко оценена ведущим этнографом-сибиреведом Л. П. Потаповым: «Подробнее и на более широкой источниковедческой базе вопрос о происхождении тюрков обосновал С. Г. Кляшторный...» [Потапов, 1969. С. 8]. Со ссылками на Кляшторного он замечал: «...вопрос о происхождении древних тюрков-тугю получил теперь... более обоснованное освещение» [Потапов, 1969. С. 55–56]; «...в настоящее время вопрос о происхождении государства древних тюрков-тюкю выяснен при посредстве новых источников» [Потапов, 1969. С. 184].

Первая концепция

Концепция С. Г. Кляшторного в ее раннем варианте, о котором высказывался Л. П. Потапов, сводилась к определению времени и места сложения «племени тюрк (ашина)». Кляшторный предложил разделить собственно тюркский этногенез на два этапа: 1) ганьсуйско-гаочанский и 2) алтайский.

Первый этап во всех вариантах развития концепции С. Г. Кляшторного — нетюркский. Племя «ашина», неясного происхождения, существовало уже в III в. и было как-то связано с позднихунскими объединениями Западного Китая (Кляшторный называет их «племенами», что терминологически не совсем точно). Где была прародина племени ашина, неизвестно, но ученый не исключал возможности того, что они могли мигрировать с Алтая или, шире, — из Южной Сибири, куда потом и вернулись. Однако «за время обитания в Пиньяне и Хэси племя ашина приняло в свой состав новый этнический компонент автохтонного некитайского и негуннского населения» [Кляшторный, 1965. С. 280]. И вот в этом новом виде после 460 г. ашина оказываются в предгорьях Южного Алтая [Кляшторный, 1965. С. 281]. Только там «племя приняло наименование «тюрк», а

старое название племени стало династийным именем правящего рода».

Вслед за П. Пельо С. Г. Кляшторный принял гипотезу, что о тюрках китайцы узнали от жу-жаней, поскольку форма «туцзюе» передает древнее произношение «türküt» с характерным для монгольских языков аффиксом множественного числа «ўт» [Кляшторный, 1965. С. 278].

Итак, ашина стали «тюрками» по названию только на Алтае, а сами до того представляли смесь разрозненных групп, вытесненных в ходе бурной эпохи великого переселения народов в Западный Китай. Но название «тюрк» в китайских источниках почему-то приняло именно монголизированную форму. Соответственно, первая концепция С. Г. Кляшторного, вопреки высказываниям о ней Л. П. Потапова, в каждом своем пункте ставила под сомнение «тюркскость» народа «тюрк/туцзюе/тюркют».

Вторая концепция

Все перечисленные положения были в значительной мере пересмотрены С. Г. Кляшторным к началу 1990-х годов. Так, для названия рода (уже не племени) «ашина» нашлась ираноязычная этимология: «...тюркская этимология слова ашина маловероятна, а иранская, напротив того, предпочтительна. Поскольку происхождение имени рода связано с Восточным Туркестаном, то следует отметить присутствие там в царской ономастике цветовой символики. <...> Искомая форма представлена в согдийском *xš'yn'k* (= *exšene*) «синий, темный»; в хотано-сакском *aššaina* — *aššena* «синий»... Именно хотано-сакская этимология... со значением «синий» является фонетически и семантически безупречной» [Кляшторный, Савинов, 1994. С. 13–14].

Вслед за этим была оставлена монгольская этимология «тюркют»: «Согдийцы передавали его как *тюрк* (здесь и ниже курсив авторский. — А. С.), множественное число *тюркют* «тюрки». Последнюю форму заимствовали китайцы... так как первоначально... сношения между тюрками и Китаем осуществлялись при

посредстве согдийцев...» [Кляшторный, Савинов, 1994. С. 14]¹¹.

Обратил С. Г. Кляшторный внимание и на давнюю проблему — отсутствие какого-либо упоминания названия «ашина» в древнетюркских надписях: «Ситуация представляется несколько необычной и заставляет искать возможные объяснения, одним из которых могло бы быть обозначение в надписях правящего рода тюрков иным словом...» [Кляшторный, Савинов, 1994. С. 13]. Но какое это сло-

¹¹ Форма «тюркют», реконструированная из китайского «туцзюэ», орхонским надписям не известна. В них встречается только «тюрк», без показателя множественности [Güraud, 1960. P. 132–134; Кондратьев, 1981. С. 38–39]. Дело, видимо, еще и в том, что этнонимы и политонимы в орхонских надписях выполняют исключительно функцию синтаксических определений [Кондратьев, 1981. С. 136(6); Насилов, 1960. С. 72–73]: «тюркский народ», «тюркские бэги» («тюрк» в единственном числе, «бэги» с аффиксом «-лар»), «табгачский каган». Даже там, где просто упомянуты эдизы (строки 58 и 59 надписи Кюль-тегина [Тугушева, 2008. С. 33, 47]) или огузы (строки 57 и 59 [Тугушева, 2008. С. 32–33, 47]), слово «бодун» («народ»), для которого они являются определением, при повтором упоминании просто опускалось (вероятно, с целью экономии места на камне [Стеблева, 2007. С. 57]). Однако множественное число, образованное с помощью конечного «т», орхонским текстам известно: в надписи Кюль-тегина названы титулы «шадпыт» и «тархат» [Кондратьев, 1981. С. 37]. Возможно, это был недостаточно продуктивный аффикс [Кондратьев, 1981. С. 38], но выводить его из монгольских или иранских языков вовсе не обязательно. Ср. [Зуев, 1960. С. 110 (комментарий 28)]. Те же титулы читаются на согдоязычной Бугутской стеле [Кляшторный, Лившиц, 1971. С. 132, 139, 142] и там же упомянуты тюрки с конечным «т» — «tr-wkt» [Кляшторный, Лившиц, 1971. С. 139]. В комментарии связь написания «tr-wkt» с «тюркют», которое все еще обозначено как монгольская форма, отрицалась [Кляшторный, Лившиц, 1971. С. 141]. Впоследствии эта связь принималась С. Г. Кляшторным безоговорочно взамен монгольской версии Пельо [Кляшторный, 2003. С. 91]. Однако согдоязычность надписи не равносильна согдийскому происхождению каждого упоминаемого в ней термина, например: «...в Карабалгасунской надписи эпитет «небесный» выступает только в протокольных тюркских формулах, причем показательно, что в согдийской версии этой надписи тюркское *tānrida* попросту транслитерируется (*tnkrγδ*), а отнюдь не переводится» [Кляшторный, Лившиц, 1971. С. 134, примеч. 19]. Очевидно, этот вывод можно распространить и на «тюркют». Тем не менее, Бугутская стела подтвердила правильность реконструкции «туцзюэ»/«тюркют».

во? Приняв этимологию «ашина — «синие»», С. Г. Кляшторный еще раз перевел это слово, уже на тюркский: «...большие орхонские надписи называют народ, создавший империю... *кёк тюрк*, что обычно переводится как “голубые (синие) тюрки”. Не касаясь многочисленных интерпретаций слова *кёк* ...отметим его идеальное семантическое совпадение с... значением имени ашина “синий”. <...> Итак, упоминание в орхонских памятниках сочетания *кёк тюрк*, интерпретируемого как “кёки и тюрки”, “ашина и тюрки”, позволяет констатировать присутствие в древнетюркских памятниках имени царского рода тюрков и возможное осознание ими... двухсоставного характера тюркского племенного союза» [Кляшторный, Савинов, 1994. С. 14]¹².

Фактически в этом втором варианте концепции С. Г. Кляшторный все подчинил только двум этимологиям — «ашина» (соотв. хотано-сакское «синие»¹³) и «тюркют» (соотв. согдийское множественное число от «тюрк»), отказавшись от столь благосклонно воспринятого коллегами метода одновременного сопоставления данных письменных источников, археологии и языка. Таким образом, вторая концепция — сугубо лингвистическая и уже в минимальной степени зависит от фактических данных как китайских летописей, так и рунических текстов. Она может рассматриваться отдельно и независимо от первой, несмотря на то, что обе высказаны одним автором.

¹² Не давая оценки этой реконструкции, все же необходимо отметить, что С. Г. Кляшторного не смущало сочетание «кок-тюрк», расположенное несколькими строками выше «кок-тюрк» в надписи Кюль-тегина и означающее именно «синее небо» [Кляшторный, Савинов, 1994. С. 83]. Были у Кляшторного оговорки и по части цветового обозначения тюрков — как «синих» и «желтых» [Кляшторный, Савинов, 2005. С. 141].

¹³ Есть основания полагать, что на С. Г. Кляшторного оказали влияние взгляды Ю. А. Зуева: «Транскрипция у-сунь звучала в древнекитайском языке ah-smən... <...> Слово в таком виде лучше всего воспринимается на индо-иранской почве, где мы имеем... хотано-сак. asanā “синий”, “небесный» [Зуев, 1967. С. 5]. Насколько можно судить, данный фрагмент остался за рамками основных публикаций Ю. А. Зуева по теме диссертации. Однако, что автореферат был известен ряду специалистов в Ленинграде, сомнений нет. Ср. [Абрамзон, Потапов, 1975. С. 36].

Вообще, это примечательная черта историографии древнетюркского этногенеза, заключается в том, что разные не согласующиеся между собой гипотезы порой высказывались одним и тем же автором. Нерешенность большинства узловых вопросов заставляет рассматривать эти гипотезы не как последовательные этапы развития мысли конкретного исследователя, а как вполне равнозначные для историографии. Причем хронологическая последовательность выдвигания не может рассматриваться как критерий предпочтительности одной гипотезы перед другой.

Третья концепция

В этой связи следует указать еще на одну концепцию С. Г. Кляшторного, которая в тюркском контексте обычно не рассматривается и, возможно, в качестве таковой не позиционировалась самим автором. От первых двух ее отличает важная особенность — в ней рассматривается происхождение народа «тюрк» исключительно эпохи Второго каганата, т. е. того народа, который и оставил все известные орхонские рунические памятники. Однако озаглавлена эта концепция — «Кыпчаки в рунических текстах».

Суть ее хорошо известна. Один из народов группы теле (т. е. огузской), упоминаемый в китайских источниках как «сеяньто», на короткое время после падения Восточно-тюркского каганата занял господствующее положение на его прежних землях в Монголии (630–640-е годы), после чего был разгромлен империей Тан в союзе другими кочевниками. После этого сеяньто исчезают со страниц китайских хроник. Однако в надписи уйгурского кагана Моюн-чурра («Селенгинский камень») сообщается о господстве над уйгурами «тюрков-кыпчаков». В зеркальном сообщении надписи Тоньюкука говорится о «тюрко-сирском» народе.

В итоге С. Г. Кляшторный отождествил сиров рунических надписей и сеяньто китайских хроник и предположил, что они же фигурируют под именем «кыпчаков» в надписи уйгурского правителя: «Господствующую группу племен, которую собственно тюркские памятники именуют “тюрками и сирами”, уйгурский

(огузский) памятник... называет “тюрками и кыбчаками”. Напрашивается вывод, что при обозначении одного и того же племенного союза, в какой-то мере делившего власть с тюрками, тюркские памятники пользуются этнонимом сир, а уйгурский памятник — этнонимом кыбчак. Иными словами, оба эти этнонима тождественны, а различия их употребления... проистекают из политических или каких-то иных причин» [Кляшторный, 1986. С. 155].

Позже С. Г. Кляшторный неоднократно подчеркивал, что кыпчаки-сиры Центральной Азии и куманы-половцы Восточной Европы — разные народы, а первые в отличие от вторых никуда не мигрировали¹⁴. Но это отдельный вопрос. Главное в кыпчак-сирской концепции даже не отождествление этой пары этнонимов, а утверждение о том, что «господствующей группой племен» второго каганата были вовсе уже не тюркюты, а «тюрко-сирский» народ.

Характер союза сиров с тюрками описан чрезвычайно образно: «Вместе с тюрками они сражались с танскими войсками в Черных пещерах и несли тяжелые потери. Дальнейшая история сеяньто — это история “племенного союза тюрков и сиров”... Сиры были верны союзу. Вместе с тюрками они восстали против помыкавших их племенами китайских управителей и стали грозными противниками Танской империи. В войске Ильтериш-кагана и Тоньюкука они мстили уйгурам за гибель сородичей в резне 646 г. Вместе с тюрками они отвоевали Отыюкенскую чернь, “страну тюрков и сиров”. В середине 40-х годов VIII в., после гибели государства и “племенного союза тюрков и сиров”, они разделили судьбу тюрков» [Кляшторный, 1986. С. 159].

¹⁴ Согласно позднему С. Г. Кляшторному, басмылы-шары (т. е. «желтые», «полóвые», откуда русское «половцы») при миграции из Средней Азии на запад «узурпировали» имя «кыпчак» [Кляшторный, Савинов, 2005. С. 141–142]. Однако последовательно этот взгляд С. Г. Кляшторный не выдерживал, говоря именно о кыпчаках-сирах как о «главствующем племенном союзе в огромном объединении кочевых племен Великой степи» [Кляшторный, Савинов, 2005. С. 134]. В свое время А. И. Пономарев выдвинул гипотезу, что «полóвые» — перевод тюркского «кубан/куман» («бледно-серый», «бледно-желтый»), имевшего (как и «кыпчак» в концепции Кляшторного) полупрезрительное значение [Пономарев, 1940].

Итак, согласно третьей концепции С. Г. Кляшторного, в которую наряду с этимологией снова вернулся комплексный анализ источников, тюрки второго каганата не были тождественны тюркам первого каганата. И если тюрки/тюркюты, согласно предыдущим концепциям, были и не совсем «тюрками», а группой племен различного происхождения во главе с согдийским или даже «хотано-сакским» родом, то в тюркоязычности тюрко-сиров сомнений уже нет никаких. Все орхонские надписи оставлены именно тюрко-сирами, тогда как Бугутская стела, единственный памятник первого каганата, тюркского текста не содержит.

Осталось три принципиальных вопроса: 1) были ли у изложенных концепций предшественники; 2) как сами эти концепции соотносятся между собой и 3) удалось ли с их помощью вписать народ «тюрк» в общетюркский этно-исторический контекст?

Взгляды предшественников С. Г. Кляшторного

Как уже говорилось, ни В. В. Бартольд, ни А. Н. Бернштам не выделяли тюрков в качестве самостоятельного народа, считая слово «тюрк» политонимом.

Программную статью для своей первой концепции С. Г. Кляшторный опубликовал в сборнике памяти С. В. Киселева, предваряя основное содержание такими словами: «Этногенез и ранняя история тюркских племен Центральной Азии и Сибири всегда были в центре научных интересов С. В. Киселева, исследования которого в значительной мере определили выводы, изложенные здесь» [Кляшторный, 1965. С. 278].

Хотя С. В. Киселев был одним из пионеров древнетюркской археологии, эта фраза в большей степени дань уважения покойному ученому, нежели признание действительной общности взглядов. Несмотря на многолетнюю дискуссию между С. В. Киселевым и А. Н. Бернштамом по древнетюркской тематике, их представления о тюркском этногенезе практически не отличались. С одной стороны, они следовали марристовской теории стадиль-

ности, согласно которой одно и то же население с переходом на новую стадию социально-экономического развития меняет и язык [Киселев, 1951. С. 491, 494–495; Бернштам, 1952. С. 15]. В рамках этой теории тюркская речь — естественный результат развития скотоводов-кочевников [Бернштам, 1952. С. 16].

С другой стороны, С. В. Киселев так же, как и А. Н. Бернштам, следовал традиции В. В. Бартольда в определении названия «тюрк» как политонима: «Самое слово *türk* не имеет еще в рассматриваемую эпоху определенного этнического значения... Это имя политического объединения, в состав которого входили различные племена, каждое со своим именем. Даже позднее, у Махмуда Кашгарского словом тюрк не обозначается какой-либо народ...» [Киселев, 1951. С. 501].

В отличие от С. В. Киселева и А. Н. Бернштама Л. П. Потапов всегда считал древних тюрков отдельным народом. До того, как поддержать концепцию С. Г. Кляшторного, он высказывал различные, порой весьма оригинальные, взгляды на характер тюркского этногенеза. Так, в написанных им разделах «Истории Тувы» возрождена старая идея о происхождении названия тюрков от монгольского «дулга» («шлем»): «Если термин “тюкю” действительно связан со словом, обозначавшим шлем, то можно утверждать, что упомянутая группа кочевников-скотоводов получила это название скорее потому, что она делала и носила железные шлемы. <...> Таким образом, тюкю получили свое название по головным уборам... и это название означало “шлемников”. Весьма возможно, что вначале... их носили лишь вожди... На эту мысль наводит известие китайской летописи о том, что у предков этих кочевников-металлургов существовал титул “тюкю”. <...> Этот титул означал “шлемника”» [История Тувы, 1964. С. 384–385].

Даже в сравнении с Бичуриным (см. выше) эта наивная аргументация была шагом назад. Неудивительно, что больше Л. П. Потапов к гипотезе не возвращался и уже вскоре о происхождении тюрков писал совершенно иное — еще без ссылок, но, в общем, следуя первой концепции С. Г. Кляшторного [История Сибири, 1968. С. 269].

Таким образом, ни С. В. Киселев с А. Н. Бернштамом, ни тем более Л. П. Потапов не могли быть предшественниками ни одной из трех изложенных концепций С. Г. Кляшторного.

«Монгольская» концепция Л. Н. Гумилева

В те же годы в Ленинграде вопросами этногенеза тюркоязычных народов и собственно тюрков занимался еще один старший коллега С. Г. Кляшторного — Л. Н. Гумилев.

С уверенностью можно утверждать, что вопрос о происхождении собственно тюрков в рамках советской науки был впервые четко сформулирован именно Л. Н. Гумилевым. Конечно, еще на рубеже XIX–XX вв. Н. А. Аристов и Г. Е. Грумм-Гржимайло высказывались на этот счет, но они видели в тюрках лишь одно из звеньев общетюркского этногенетического процесса, никак особо не выделяя собственно тюрков из непрерывной череды кочевых народов [Грумм-Гржимайло, 1926. С. 208–212].

Знакомый с этими взглядами [Гумилев, 1961. С. 110], а также с идеями Бичурина и скептической стороной, представленной В. В. Бартольдом и А. Н. Бернштамом, Гумилев пришел к заключению, что «до сих пор возникновение и эволюция этого народа не были исследованы достаточно полно и убедительно» [Гумилев, 1961. С. 103]. Поэтому он совершенно сознательно решил заново сформулировать проблему: «В XIX в. вопрос об этнической принадлежности народа “ту-кю” решался двояко: французская школа ориенталистов считала их тюрками; русский синолог Н. Я. Бичурин (Иакинф) с той же категоричностью называл их монголами. Открытые Н. М. Ядринцевым орхонские надписи как будто полностью установили идентичность “ту-кю” с тюрками. И тем не менее мы не можем безоговорочно принять эту идентичность» [Гумилев, 1961. С. 103].

Уже в последнем фрагменте обнаруживается предвосхищение одной из главных концептуальных идей С. Г. Кляшторного — предположение о нетюркоязычности самого народа «тюрк». Хотя цитируемая статья опубликована

в 1961 г., подготовлена она еще в 1949 г., но по причине ареста автора тогда не вышла¹⁵. Эта статья представляла собой закономерное развитие темы, поднятой Гумилевым еще в кандидатской диссертации¹⁶.

В самом ее начале Гумилев сразу предложил разграничить собственно тюрков и все остальные тюркоязычные племена: «При современном состоянии наших знаний вряд ли возможно дать удовлетворительную *концепцию тюркского этногенеза* (выделено мной. — А. С.). Но это и не входит в нашу задачу. Однако необходимо отметить, что в VI веке большая часть тюркоязычных племен, населявших территорию гобийских песков на юге, сибирской тайги на севере и Аральского моря на западе, тюрками не называлась. <...> Все эти племена впоследствии стали известными под именем тюрков, но в VI веке тюрками называли небольшой народ, занимавший южные склоны Алтая, Кобдоский бассейн и Утукенскую чернь... Вей-шу и Суй-шу передают нам легенды о происхождении этого народа, причем главное место в обеих, несколько разнящихся, легендах занимает происхождение предка тюрков от волчицы» [Гумилев, 1947. С. 8–10].

Отмеченное в цитате словосочетание «концепция тюркского этногенеза» следует признать для 1947 г. далеко не тривиальным. Оно показывает, что проблема выделения тюрков как самостоятельного объекта изучения осознавалась Гумилевым еще в то время, когда его старшие коллеги рассматривали тюркский этногенез главным образом сквозь призму марристского учения. Для сравнения, к аналогичной формулировке («Общая концепция этнической истории древнетюркских племен») С. Г. Кляшторный пришел лишь в начале 1990-х годов.

Далее в кандидатской диссертации Гумилев разделил проблему на две — происхождение тюрков и происхождение рода Ашина: «Но тут

возникает вопрос: кем были ханы рода Ашина — монголами или тюрками. Для того, чтобы дать удовлетворительный ответ, мы должны, во-первых, отметить, что в тюркских надписях термин Ашина не встречается, тогда как китайские хроники пестрят им, и, во-вторых, рассмотреть, какое место занимал монгольский элемент в северном Китае в середине V века» [Гумилев, 1947. С. 11].

Отличие от концепции С. Г. Кляшторного здесь лишь в том, что Гумилев считал, будто «ашина» непременно должно значить «волк», хотя резонно отмечал, что, несмотря на легенды о происхождении от волчицы, ни в орхонских надписях, ни в китайских хрониках слово со значением «волк» не применяется в качестве эпитета для членов ханского рода [Гумилев, 1947. С. 11]. Тем не менее, он выводил «ашина» из сочетания «А» («префикс уважения в китайском языке») и корня «шина», ссылаясь на бурятское и калмыцкое название волка «шоно/чино». Все вместе дает — «благородный, уважаемый волк» [Гумилев, 1947]. Ср. [Гумилев, 1961. С. 104; Гумилев, 1967. С. 23].

Историческая интерпретация анализа термина «ашина», неизменная во всех последующих работах Гумилева, была следующей: «...500 семейств, с которыми Ашина выселился из северного Китая на Алтай, говорили на монгольском языке. Однако столетнее пребывание в тюркоязычной среде, разумеется, должно было способствовать быстрой перемене разговорной речи... Надо полагать, что в середине VI века и члены рода Ашина, и их спутники были совершенно отуречены» [Гумилев, 1947. С. 12].

Итак, перед нами та же концепция «Ашина и тюрки», но высказанная еще в 1947 г., и с той лишь разницей, что Ашина названы не иранцами, а монголами.

Хотя опубликовать что-то на данную тему Гумилеву удалось только спустя полтора десятилетия, нет сомнения, что сами его идеи со второй половины 1940-х годов начали циркулировать среди коллег в Ленинграде и Москве. Без этого не появилась бы первая концепция С. Г. Кляшторного, чрезвычайно близкая в своих основных положениях ранней гумилевской,

¹⁵ Первоначальное название статьи «Исчезнувшие племена долины р. Или» [Лев Николаевич Гумилев, 2008. С. 70, 73].

¹⁶ Гумилев Л. Н. Подробная политическая история первого тюркского каганата. 546–659 гг. Л., 1947. 312 машинописных листов + 5 л. исторических карт. Переплетенный машинописный экземпляр хранится в музее-квартире Л. Н. Гумилева в Санкт-Петербурге.

а также, вероятно, и ранние суждения о тюрках Ю. А. Зуева¹⁷.

Общий вывод об этногенезе древних тюрков в кандидатской диссертации Гумилева полностью соотносится с первым вариантом концепции С. Г. Кляшторного: «Иначе говоря, тюркская народность VI–VII веков сложилась в результате, во-первых, скрещения алтайских горцев с алашаньскими степняками и, во-вторых, необычайно благоприятных условий в созданной ими державе, где они составили особо привилегированную часть общества...» [Гумилев, 1947. С. 13].

Эту народность, во избежание путаницы с «тюрками вообще», Гумилев в те же 1940-е годы предложил именовать «тюркютами» [Гумилев, 1961. С. 106, примеч. 18], ссылаясь на реконструкцию Пельо, отвечавшую именно его концепции монголоязычности рода Ашина [Гумилев, 1947. С. 12–13]. Ср. [Гумилев, 1961. С. 104].

В опубликованном виде тот же вывод был одновременно детализирован и обобщен: «Тюрки VI в. (правильнее — тюркюты) — это сложносоставной народ, сложившийся в результате соединения в единое государство монголоязычной орды Ашина, вынесшей из Ордосских степей воинственные традиции своих сяньбийских предков, и тюркоязычного населения Большого Алтая, которое благодаря развитому кузнечному ремеслу снабдило своих будущих соплеменников оружием. В середине VI в. оба эти элемента слились в единое целое и оправдали свое название “волк”» [Гумилев, 1961. С. 105].

Гунны и тюрки

Л. Н. Гумилев никогда не переставал размышлять над противоречиями в показаниях

¹⁷ Ю. А. Зуев, поступивший на восточный факультет в 1950 г., Гумилева, арестованного осенью 1949 г., в Ленинграде не застал. Однако если уже в студенческие годы он определился с тематикой изучения кочевников, о кандидатской диссертации Гумилева он должен был бы слышать. Во всяком случае ранние работы Ю. А. Зуева позволяют это предположить: «Идентификация названия а-ши-на с данными этнонимии и письменных источников пока не произведена. <...> Попытки исследователей найти эквивалент... в тюркской лексике ни к чему не привели. Нам представляется более правильным искать его в той же монголоязычной среде, через которую в глубокой древности прошел термин а-ши-на» [Зуев, 1960. С. 121].

источников относительно происхождения «тюркютов». Как видно, в ранних работах он обошел стороной постулируемое китайскими хрониками происхождение тюрков от хуннов. С. Г. Кляшторный тоже высказывался на эту тему неопределенно, говоря о пребывании племени/рода ашина в «позднегуннских государствах» Западного Китая. Но в чем именно состояла связь ашина с гуннами?

В своем главном исследовании «Древние тюрки» [Гумилев, 1967. С. 23] и в ряде позднейших публикаций [Гумилев, 1990. С. 170; Гумилев, 1991. С. 144–145; Гумилев, 1992. С. 31] Гумилев высказал интересную идею, в каком-то смысле параллельную его собственному анализу термина «ашина» (выше отмечалась обычность подобного явления для концепций тюркского этногенеза). Он полагал, что до китайских историографов какими-то путями дошли отголоски сведений о западных гуннах и гибели державы Аттилы, поэтому гуннский, а не хуннский элемент следует видеть в этногенезе «тюркютов».

Эта гипотеза, взятая изолированно от остального, что писал Гумилев о происхождении тюркютов, несомненно, интересна. Противоречия же связаны с тем, что к монгольской этимологии слова «ашина» (= «волк») ведет именно рассказ о спасенном волчицей хуннском царевиче, но европейские гунны были точно не монголоязычны, как не было монголов и на Алтае. Поэтому без Западного Китая, где существовали сяньбийские царства, никак не обойтись, или же от какого-то из элементов концепции следует отказаться¹⁸. С другой стороны, не имеющая до сих пор какого-то внятного объяснения экспансия первых тюркских каганов на запад именно связью с гуннами получает достаточно убедительное обоснование¹⁹.

¹⁸ Впрочем, никому до сих пор не удавалось до конца распутать клубок противоречий различных вариантов генеалогических легенд о тюрках, не создав при этом новых. Ср. [Нестеров, 1990. С. 98–101].

¹⁹ Хотя гипотеза о связи ранних тюрков с западными гуннами высказана как сугубо умозрительная, теперь (без прямой ссылки на Гумилева, но зато с упоминанием «пассионарности») под нее подведена определенная археологическая база [Азбелов, 2010. С. 28–32].

Незамеченная концепция Л. Н. Гумилева

Поскольку Гумилев последовательно во всех своих работах применял к собственно древним тюркам название «тюркют», следует считать, что именно благодаря ему этот термин утвердился в отечественной историографии. Тем удивительнее, что фактически незамеченной осталась другая его концепция — о тюрках второго каганата («голубых тюрках»), — по многим пунктам корреспондирующая с, напротив, широко известной «кыпчакской» концепцией С. Г. Кляшторного.

Гумилев пояснял, что название «тюркют» целесообразно распространять только на эпоху первого каганата VI–VII вв., «когда еще отмечалось различие между собственно тюрками, т. е. ордой ханов Ашина, и телесцами, дулу, нушиби, чуйскими племенами» [Гумилев, 1961. С. 106]. Как и впоследствии С. Г. Кляшторный, он отмечал не только факт отсутствия слова «ашина» в орхонских надписях, но и особое наименование в них тюрков — «кок тюрк». В отличие от Кляшторного, который считал это наиболее ранним самоназванием тюрков, Гумилев полагал, что это новый термин, синхронный самим орхонским текстам: «...необходимо отметить, что в VIII в. слово “тюрк” еще не принимало, суффикса “лер”, хотя уже утратило суффикс “ут”» [Гумилев, 1961. С. 106].

На самом деле, зачатки этой концепции видны в самой первой опубликованной статье Л. Н. Гумилева «Статуэтки воинов из Туюк-Мазара», написанной на основе дипломной работы 1946 г. (материал собирался еще в 1930-е годы²⁰). В этой статье ученый впервые обращает внимание на семантику названия «кок-тюрк»: «Голубой цвет был национальным и любимым цветом тюрков, и в орхонских надписях даже ко всему народу тюрков применяется эпитет “кок” — голубой» [Гумилев, 1949. С. 240]. Также Гумилев почти за четыре десятилетия до С. Г. Кляшторного специально

²⁰ «Нашел свою старую статью, которую в свое время недоделал, переписал ее и подал как дипломную работу. Она была напечатана — хорошая статья оказалась» [Гумилев, 2001. С. 9].

коснулся проблемы кратковременного взлета «эфмерной державы» и «трагической гибели народа сеянто». Последние события он даже охарактеризовал как «одну из наиболее кровавых в истории Азии расправ» [Гумилев, 1949. С. 243 (примеч.)].

В «Древних тюрках» все эти частные идеи из ранних статей конца 1940-х годов получили концептуальное оформление. Согласно Гумилеву, тюрки второго каганата уже не тождественны тюркютам, но это еще и не «тюрки вообще», а совершенно самостоятельный этнос, избравший в качестве самоназвания «кок тюрк», т. е. «голубые тюрки»: «За 50 лет, с 630 по 679 г., с кочевниками, поселившимися в Ордосе, произошли такие изменения, что они из тюркютов превратились в голубых тюрков, мало похожих как на своих северных братьев — телесов²¹, так и на своих предков — тюркютов» [Гумилев, 1967. С. 209].

Что же произошло за это время в этнографическом плане, раз можно говорить о сложении нового народа? Гумилев полагал, что поскольку восточные тюркюты после 630 г. были рассеяны по Центральной Азии, а в восстановлении каганата участвовала лишь та группа, которая оказалась в прямом подчинении империи Тан, создать новую мощную державу одними своими силами они уже не могли.

Компонентом, усилившим тюрков, и были сирь/сеяньто: «Вторым компонентом восстановленной орды ханов Ашина оказались сирь, потомки сеяньто, что явствует из надписи Тоньюкука, где есть выражение “тюрксир будун”, т. е. тюрко-сирский народ» [Гумилев, 1967. С. 268]. «Большая часть тюрков с влившимися в них сирами располагалась к северу и востоку от Ордоса, до отрогов Иньшаня» [Гумилев, 1967. С. 266].

Спасшихся от истребления сиров не могло быть много, поэтому Гумилев в качестве главной демографической основы «голубых тюрков» указал на третий элемент — кыпчаков: «Обратимся к той группе тюркютов, которая была пленена в 630 г. и в качестве “нескольких сот

²¹ Тюрки раздела «толис» (восточного крыла), укрывшиеся после падения восточного каганата на Алтае [Гумилев, 1967. С. 262, 276].

разоренных юрт» поселена в Алашане в 631 г. ...уже в 641 г. хан Сымо имел “100 000 народа, 40 000 строевого войска в числе народа и 90 000 голов лошадей”... Известно из статистики, что люди так быстро размножаться не могут... но... одна фраза из надписи “Селенгинского камня” содержит разгадку этого непонятного прироста населения. Там тюрки, восстановившие в 80-х годах каганат, названы “тюрки-кыпчаки» [Гумилев, 1967. С. 267–268]. Но и это еще не всё: «Кроме того, в Ордосе и Алашане обитали остатки южных хуннов и осколки других тюркоязычных племен. Они тоже умножили орду князей Ашина» [Гумилев, 1967. С. 268]²².

С. Г. Кляшторный полагал, что строит гипотезу о кыпчаках, а не о тюрках второго каганата. На самом деле, это не так. Отличие от концепции Гумилева здесь лишь в отождествлении кыпчаков и сиров²³. Оно принципиально для решения кыпчакского вопроса²⁴, но не для понимания истории тюрков. В остальном концепции двух разных тюркских этносов — «тюркютов» первого каганата и «кок-тюрк» второго каганата — у Л. Н. Гумилева и С. Г. Кляшторного совпадают.

Общее обоснование концепции Гумилева выглядит стилистически так же образно, как и у С. Г. Кляшторного, описывавшего «тюрко-си-

ро/кыпчакское» единство: «Походы сближают воинов, и перед лицом смерти чувство локтя становится залогом жизни. В далеких степях у маленьких костров из кизяка сир делился с тюркютом последним куском вяленого мяса, уйгур перевязывал рану татабийцу, а тангут выручал эдиза... Все некогда ненавидевшие друг друга племена теперь рука об руку ходили войной на восток и на запад, и общность судьбы стирала перегородки разноплеменного происхождения. Конечно, они помнили, что их отцы боролись друг с другом, но творческая сила бытия ломала скорлупу стареющего сознания» [Гумилев, 1967. С. 268].

Итоговый вывод следующий: «Уже в 50-х годах VII в. бывшие враги сделались друзьями, а двадцать лет спустя... слились в один народ — “кок тюрк”, т. е. голубые тюрки. Называть их тюркютами уже нельзя, это “türk kara kamu budun” — “весь [целый] тюркский народ”, который многое унаследовал от своих предков, но много воспринял и чужого. Он сказал свое веское слово в истории Азии...» [Гумилев, 1967. С. 268–269].

Итак, согласно Гумилеву, «голубые тюрки» — это отдельный народ, в отличие от элитарной группы тюркютов Первого каганата, включивший в свой состав (помимо собственно тюркютов) уцелевших сиров/сеяньто и кыпчаков, а также ряд других разрозненных кочевнических групп.

Благодаря «размыванию» во втором каганате названия «тюрк» сразу на несколько групп, еще не потерявших свое этническое самосознание, оно стало приобретать нарицательное значение. Важно подчеркнуть, на все тюркоязычное население первого и второго каганатов название «тюрк» никогда не распространялось, поэтому как раз политонимом его считать было бы неправильно. Однако промежуточный (между этнонимом и политонимом) статус «голубых тюрков», по всей видимости, и решил судьбу названия «тюрк», сделав даже после гибели второго каганата название относительного большинства его населения эпонимом для всех носителей схожих языков, что и зафиксировал в XI в. своим словарем Махмуд Кашгарский.

²² Ср. еще одно, несколько иное, описание состава «орды голубых тюрков»: собственно тюрки, токуз-огузы, «10 стрел» (т. е. западные тюрки), «таты» («несвободные») [Гумилев, 1967. С. 285].

²³ Согласно Гумилеву, сирь и кыпчаки не могли быть тождественны. Сирь (если принимать «сир» за первый элемент в «сеяньто») происходили из группы племен теле [Гумилев, 1959. С. 23], а кыпчаков Гумилев выводил из динлинов, которых считал вслед за Г. Е. Грумм-Гржимайло наследниками древнего европеоидного населения Южной Сибири: «...куманы, смесь среднеазиатских хуннов с алтайскими динлинами» [Гумилев, 1993. С. 68]. Теле, по Гумилеву, тоже были европеоидами, но происходили от иной ветви, попавшей в древности в Северо-Западный Китай, — племен «ди» [Гумилев, 1959. С. 19, 21, 25].

²⁴ Если в первом издании совместной с С. Г. Кляшторным монографии Д. Г. Савинов обратился лишь к кыпчакской концепции своего соавтора [Кляшторный, Савинов, 1994. С. 140, 144–145], то в расширенном археологическом разделе второго издания он не без некоторого удивления обнаружил аналогичный взгляд в «Древних тюрках» Гумилева [Кляшторный, Савинов, 2005. С. 281–282]. В результате Д. Г. Савинов попытался обосновать «принципиально иной» характер концепции С. Г. Кляшторного. Важно именно то, что отличия пришлось искать специально.

«Голубые тюрки» — самостоятельный этнос?

Напрямую С. Г. Кляшторный на концепцию Гумилева о «голубых тюрках» никогда не ссылался. Единственный явный отклик представлен небольшой статьей татарского филолога Ф. С. Фасеева: «Выражение *kök türk* не является ни этнонимом, ни территориально-политическим термином... Поскольку так называемых “голубых тюрков” (как трактовали раньше) вообще не существует в природе, то и нет необходимости искусственного хронологически-исторического “выделения” их особо из состава тюркутов I и II каганатов (Гум. 1967, с. 269)» [Фасеев, 1978. С. 146].

Здесь необходимо пояснить, что Ф. С. Фасеев так увлекся поиском возможных семантических нюансов значения слова «*kök*» в тюркских языках (в какой-то мере в традициях марристской «палеонтологии языка»²⁵), что полностью оторвался от исходного контекста орхонских надписей, где только и упомянуты «кок-тюрки». Согласно его интерпретации, «*kök türk* представляет собой древнетюркское выражение, которое означало простых (коренных) тюрков-степняков, кочевавших со своим стадом, в зависимости от обилия трав и воды. При этом лексема *kök*... и означает траву, зелень, зеленое; корень, коренной, пастушеский (кочевой) и т.п.» [Фасеев, 1978. С. 145].

Однако даже в филологическом плане проблема «кок-тюрков» не сводится исключительно к попыткам интерпретации слова «кок» в отличном от цветового значении (кок = Ашина, кок = «восток» [Фасеев, 1978. С. 138; Кононов, 1978. С. 173; Габен, 1986. С. 294], кок = «небесные»²⁶). Полное словосочетание в надписи Кюль-тегина содержит еще два слова, крайне редко привлекаемых к анализу: «*idi oqsız kök türk*» [Тугушева, 2008. С. 27].

Ф. С. Фасеев полностью доверился «смысловому» переводу С. Е. Малова «*idi oqsız*» =

²⁵ Подобно А. Н. Кононову в его программной статье [Кононов, 1949. С. 42, 43], но уже без прямых ссылок на Н. Я. Марра.

²⁶ Перевод «кок = небесные» наиболее характерен для французской историографии.

«без господина и без родовых представителей» [Фасеев, 1978. С. 142; Малов, 1951. С. 36]. С. Г. Кляшторный дал более корректный перевод, но никаких выводов из него не сделал: «...голубых тюрков, не имевших до того ни господина, ни (организации по) “стрелам”» [Кляшторный, 1964. С. 61]. Значительно позже Л. Ю. Тугушева перевела текст точно и буквально: «вовсе не имевшие стрелы коктюрки» [Тугушева, 2008. С. 38]²⁷.

Напомним, согласно Л. Н. Гумилеву, орхонские надписи отражают реалии того времени, когда они были высечены (первая половина VIII в.) [Гумилев, 1961. С. 103; Гумилев, 1967. С. 336–337]. Хотя «вовсе не имевшие стрел голубые тюрки» надписью Кюль-тегина действительно помещены во времена Бумына (середина VI в.), указанные там же пределы их распространения — от Кадырканской черни (Большой Хинган) до Темир-Капыга/«Железных ворот»²⁸ — описывают границы именно второго тюркского каганата на начало VIII в. (точнее, крайние точки военных походов [Благова, 1973а. С. 53, примеч. 11; Стеблева, 2007. С. 36]). Неслучайно, С. Г. Кляшторный удивлялся «упоминанию Железных ворот как границы расселения “тюркского народа” в VI в.», поскольку считал, что в орхонских надписях «почти все сообщения о Средней Азии относятся к эпохе второго Восточнотюркского каганата» [Кляшторный, 1964. С. 77]. Логично предположить, что это анахронизм — перенесение расстановки сил начала VIII в. на середину VI в.

Западные тюрки в орхонских надписях именуется «народом десяти стрел» — «*on oq bidun*». Система организации по стрелам существовала только в западном каганате в последние десятилетия его существования, когда

²⁷ Слова «господин» в оригинале нет: «*idi*», часто переводимое как «господин», в данном случае лишь усилитель отрицания [Тугушева, 2008. С. 125]. Значение же стрелы как символа власти Л. Ю. Тугушева перенесла в комментарий, причем со ссылкой на Гумилева [Тугушева, 2008. С. 38].

²⁸ Обычно определяется как проход Бузгала на крайнем юге Узбекистана [Благова, 1973а. С. 53]. Ю. А. Зуев это оспаривает, но не предлагает ничего определенного взамен [Зуев, 2002. С. 175].

каган после череды смут разделил в 635 г. власть с предводителями двух крыльев державы (по пять племен в каждом) [Гумилев, 1967. С. 213]. Нет данных, чтобы система десяти стрел затем сохранялась в Тюргешском каганате, но название «народ десяти стрел», очевидно, прочно закрепилось за западными тюрками [Гумилев, 1967. С. 253, 281, 345, 373].

Исходя из этого, логично предположить, что голубые тюрки назывались «вовсе не имеющими стрел» именно для различения себя с «десятистрельными тюрками». Что последние это именно «наш тюркский народ», но подчиненный тюргешскому кагану, также сообщает надпись Кюль-тегина [Тугушева, 2008. С. 41–42]. Ни к кому больше, кроме тюрков, орхонские тексты слово «стрела» в символическом значении не применяют.

Таким образом, «голубые тюрки без стрел» это не все тюркюты и не восточные тюркюты в противовес западным (десятистрельная организация возникла в западном каганате уже после падения восточного). Это именно тюрки второго каганата²⁹, действительно противопоставленные «народу десяти стрел», который в VIII в. подчинился тюргешам.

Что, ссылаясь исключительно на взгляды С. Г. Кляшторного, можно прийти к выводу, идентичному гумилевскому, о самостоятельном древнетюркском этносе второго каганата, продемонстрировал П. П. Азбелев: «Если Восточный каганат был еще прямым продолжением Первого... то десятилетия, прошедшие между падением Восточного каганата и созданием Второго, знаменовались глубокой культурной трансформацией. <...> Все это значит, что тюрки Второго каганата... были, в сущности, уже другим народом...» [Азбелев, 2010. С. 33–34]. «Проблему сходств и различий между культу-

рами Первого/Восточного и Второго каганатов еще предстоит корректно поставить и всесторонне исследовать, но и сказанного довольно, чтобы не переносить механически сведения орхонских рунических памятников первой половины VIII века на эпоху VI — начала VII вв.» [Там же. С. 36].

Выводы

Можно ли говорить о влиянии идей Л. Н. Гумилева на С. Г. Кляшторного? Поскольку ни у Л. П. Потапова или А. Н. Бернштама, ни у зарубежных тюркологов аналогичных посылок для развития собственных концепций заимствовать было невозможно, то, очевидно, хронологически более ранние работы Гумилева со сходными положениями не просто предшествовали исследованиям Кляшторного, но, вероятнее всего их направляли. Установление сходства и преемственности идей, при этом, не отменяет оригинальности найденных С. Г. Кляшторным решений и конечных выводов.

Главное, признание историографической преемственности не снимает саму проблему нахождения места «тюркам» в общем ряду тюркоязычных народов. В свое время Гумилев четко сформулировал вопрос: «почему тюрки возникли и почему исчезли, оставив свое имя в наследство многим народам, которые отнюдь не являются их потомками?» [Гумилев, 1967. С. 4]. Хотя общий ответ, что «древние тюрки наиболее ярко претворили в жизнь те начала степной культуры, которые зрели еще в хуннское время» [Гумилев, 1967. С. 6], возражений не вызывает, сам Гумилев не считал его достаточным, а в наиболее поздней дефиниции констатировал: «...тюрки VI–VIII вв. были весьма не похожи на те этносы, которые позже присвоили себе название “тюрк”... Этот этнос был начисто уничтожен в середине VIII в. и не оставил потомков» [Гумилев, 1993. С. 45].

С. Г. Кляшторный, в свою очередь, дал ряд перспективных ответов, но они плохо согласовывались между собой, что в большей степени было следствием скудости источниковедческой базы по древней истории тюрков. В конечном счете, и Л. Н. Гумилев свел проблему

²⁹ Р. Жиро без детальной аргументации также полагал, что название «кок-тюрк» характеризует только восточных тюрков эпохи Бильге-кагана, т. е. тюрков второго каганата [Giraud, 1960. P. 15]. А. Н. Бернштам полагал, что только название голубых/небесных тюрков может восприниматься как собственно этническое. Этот эпитет принадлежал элите тюркского общества и появился не ранее «времени Гудулу» (создателя второго каганата). Как и в ранних работах, существования до конца VII в. отдельного этноса «тюрк» он не признавал [Бернштам, 1946. С. 82, 84–86].

к остроумному, но риторическому вопросу: «...этнос-создатель исчез, оставив потомкам только статуи, надписи и имя. А может быть, это не так уж мало?» [Гумилев, 1993. С. 54]. Поэтому, кем были тюркюты, почему их имя

стало эпонимом для целой огромной группы народов³⁰, можно ли говорить о двух разных этносах «тюрк» в эпоху каганатов, — эти вопросы еще рано считать решенными окончательно Ср. [Golden, 2021. P. 32].

Использованная литература

Абрамзон, Потапов, 1975: *Абрамзон С. М., Потапов Л. П.* Народная этногония как один из источников для изучения этнической и социальной истории (на материале тюркоязычных кочевников) // Советская этнография. 1975. № 6. С. 28–41.

Abramzon S. M., Potapov L. P. Narodnaya etnogiia kak odin iz istochnikov dlia izucheniiia etnicheskoi i sotsial'noi istorii (na materiale tiurkoiazichnykh kochevnikov) [Folk Ethnogeny as One of the Sources for the Study of Ethnic and Social History (Based on the Material of Turkic-speaking Nomads)] // Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]. 1975. No. 6. P. 28–41.

Азбелев, 2010: *Азбелев П. П.* Кудыргинский сюжет. СПб., 2010.

Azbelev P. P. Kudyrginskii siuzhet [Kudyrginsky Issue]. St. Petersburg, 2010.

Алексеев, 1971: *Алексеев В. П.* Предки тюркских народов // Наука и жизнь. 1971. № 5. С. 33–37.

Alekseev V. P. Predki tiurkskikh narodov [Ancestors of the Turkic Peoples] // Nauka i zhizn' [Science and Life]. 1971. No. 5. P. 33–37.

Алексеев, 1972: *Алексеев В. П.* В поисках предков. М.: Советская Россия, 1972.

Alekseev V. P. V poiskakh predkov [In Search of Ancestors]. Moscow: Sovetskaia Rossiia, 1972.

Бартольд, 1968: *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. V. М.: Наука, 1968.

Bartold V. V. Sochineniia [Works]. Vol. 5. Moscow: Nauka, 1968.

Бернштам, 1935: *Бернштам А. Н.* Происхождение тюрков. К постановке проблемы // Проблемы истории докапиталистических формаций. 1935. № 5–6. С. 43–54.

Bernshtam A. N. Proiskhozhdenie turok. K postanovke problemy [The Origin of the Turks] // Problemy istorii dokapitalisticheskikh formatsii [Problems of the History of Pre-capitalist Formations.]. 1935. No. 5–6. P. 43–54.

Бернштам, 1946: *Бернштам А. Н.* Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрков VI–VIII веков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946.

Bernshtam A. N. Sotsial'no-ekonomicheskii stroi orkhono-eniseyskikh tiurok VI–VIII vekov [Social-economic System of the Orkhon-Yenisei Turks of the 6th–8th Centuries]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1946.

Бернштам, 1952: *Бернштам А. Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952.

Bernshtam A. N. Istoriko-arkheologicheskie ocherki Tsentral'nogo Tian'-Shania i Pamiro-Alaia [Historical and Archaeological Essays of the Central Tian Shan and Pamir-Alai]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1952.

Благова, 1973: *Благова Г. Ф.* Вариантные заимствования тюрков~тюрк и их лексическое обособление в русском языке (К становлению обобщающего имени тюркоязычных народов) // Тюркологический сборник. 1972. М.: Наука, 1973. С. 93–140.

³⁰ О судьбе тюрков высказываются различные суждения. И. В. Кормушин считает, что тюрки (в узком смысле) бежали под ударами уйгуров в середине VIII в. на Сырдарью, где создали государство огузских ябгу, а затем из их среды вышли сельджуки и османы [Кормушин, 2020. С. 7]. Почему тюрки на новое место не принесли с собой рунику и традицию каменных изваяний, И. В. Кормушин не поясняет. Схожая концепция, хотя и несколько путано (будто бы огузы переселяются на Сырдарью после падения Западного каганата в 742 г., хотя пал тогда Второй восточный каганат), высказывалась С. Ф. Орешковой [Гасратян и др., 1983. С. 5]. Наконец, С. Г. Кляшторный последовательно высказывался о сохранении «голубых тюрков» на месте вплоть до X в.: «Тюркский каганат окончил свое существование. Тюркские племена, сохранившие часть своих земель, не играли уже сколько-нибудь заметной роли... хотя и сохранили известную автономию; последнее известие о них в китайских источниках относится к 941 г.» [Кляшторный, 1964. С. 43]. Неожиданное уточнение, что племенные территории тюрков располагались в Джунгарии (относившейся к землям западных тюрков, а в указанное время — кимаков), сделано в монографии 2005 г.: «Тюркские племена, сохранившие часть земель... на Алтае и в Джунгарии, не играли заметной роли...» [Кляшторный, Савинов, 2005. С. 110]. Как видно, приведенные мнения плохо согласуются друг с другом, как и многое другое в концепциях истории собственно тюркского этноса.

Blagova G. F. Variantnye zaimstvovaniya turok~tiurk i ikh leksicheskoe obosoblenie v russkom iazyke [Variants of 'Turk~Tiurk' Borrowings and Their Lexical Distinction in the Russian Language] // Tiurkologicheskii sbornik [Collection of Works on Turkology]. 1972. Moscow: Nauka, 1973. P. 93–140.

Благова, 1973а: *Благова Г. Ф. П. М. Мелиоранский и изучение тюркской топонимии // Тюркологический сборник. 1972. М.: Наука, 1973. С. 51–61.*

Blagova G. F. P. M. Melioranskii i izuchenie tiurkskoi toponimii [P. M. Melioransky and the Study of Turkic Toponymy] // Tiurkologicheskii sbornik [Collection of Works on Turkology]. 1972. Moscow: Nauka, 1973. P. 51–61.

Босворт, 1981: *Босворт К. Э. Нашествия варваров: появление тюрков в мусульманском мире // Мусульманский мир. 950–1150. М.: Наука, 1981. С. 20–35.*

Bosworth C. E. Nashestviia varvarov: poiavlenie tiurok v musul'manskom mire [Barbarian Incursions: The Coming of the Turks into the Islamic World] // Musul'manskiy mir. 950–1150 [Islamic World. 950–1150]. Moscow: Nauka, 1981. P. 20–35.

Габен, 1986: *Габен А. фон. Древнетюркская литература // Зарубежная тюркология. Вып. I. Древние тюркские языки и литературы. М.: Наука, 1986. С. 294–344.*

Gaben A. von. Drevnetiurkskaya literature [Old Turkic Literature] // Zarubezhnaya tiurkologiia [Foreign Turkology]. Vol. 1. Drevnie tiurkskie iazyki i literatury [Old Turkic Languages and Literatures]. Moscow: Nauka, 1986. P. 294–344.

Гасратян и др., 1983: *Гасратян М. А., Орешкова С. Ф., Петросян Ю. А. Очерки истории Турции. М.: Наука, 1983.*

Gasratian M. A., Oreshkova S. F., Petrosian Yu. A. Ocherki istorii Turtsii [Essays on the History of Turkey]. Moscow: Nauka, 1983.

Грум-Гржимайло, 1926: *Грум-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II. Л., 1926.*

Grumm-Grzhimailo G. E. Zapadnaya Mongoliia i Uriankhaiskii kray [Western Mongolia and the Uriankhai Region]. Vol. 2. Leningrad, 1926.

Гумилев, 1947: *Гумилев Л. Н. Подробная политическая история первого тюркского каганата. 546–659 гг. Л., 1947.*

Gumilev L. N. Podrobnaia politicheskaia istoriia pervogo tiurkskogo kaganata. 546–659 gg. [Detailed Political History of the First Turkic Khaganate. 546–659]. Leningrad, 1947.

Гумилев, 1949: *Гумилев Л. Н. Статуэтки воинов из Туюк-Мазара // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XII. М.; Л., 1949. С. 232–253.*

Gumilev L. N. Statuetki voinov iz Tuyuk-Mazara [Statuettes of Warriors from Tuyuk-Mazar] // Sbornik Muzeia antropologii i etnografii [Digest of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Vol. 12. Moscow; Leningrad, 1949. P. 232–253.

Гумилев, 1959: *Гумилев Л. Н. Динлинская проблема // Известия всесоюзного географического общества. 1959. Т. 91. № 1. С. 17–26.*

Gumilev L. N. Dinlinskaya problema [Dinlin problem] // Izvestiya vsesoiuznogo geograficheskogo obshchestva. [Reports of the Soviet Geographical Society] 1959. Vol. 91. No. 1. P. 17–26.

Гумилев, 1961: *Гумилев Л. Н. Три исчезнувших народа // Страны и народы Востока. Вып. II. М.: Наука, 1961. С. 103–111.*

Gumilev L. N. Tri ischeznuvshikh naroda [Three Disappeared Peoples] // Strany i narody Vostoka [Countries and Peoples of the East]. Vol. 2. Moscow: Nauka, 1961. P. 103–111.

Гумилев, 1967: *Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М.: Наука, 1967.*

Gumilev L. N. Drevnie tiurki [Old Turks] Moscow: Nauka, 1967.

Гумилев, 1990: *Гумилев Л. Н. География этноса в исторический период. Л.: Наука, 1990.*

Gumilev L. N. Geografiya etnosa v istoricheskiy period [Geography of the ethnos in the historical period]. Leningrad: Nauka, 1990.

Гумилев, 1991: *Гумилев Л. Н. Тысячелетие вокруг Каспия. Баку: Азернешр, 1991.*

Gumilev L. N. Tysiacheletie vokrug Kaspiia [Millennium around the Caspian Sea]. Baku: Azerneshr, 1991.

Гумилев, 1992: *Гумилев Л. Н. От Руси до России. СПб.: Юна, 1992.*

Gumilev L. N. Ot Rusi do Rossii. [From Rus to Russia] St. Petersburg: Yuna, 1992.

Гумилев, 1993: *Гумилев Л. Н. Из истории Евразии. М.: Искусство, 1993.*

Gumilev L. N. Iz istorii Evrazii [From the History of Eurasia]. Moscow: Iskusstvo, 1993.

Гумилев, 2001: *Гумилев Л. Н. Конец и вновь начало. М.: Рольф, 2001.*

Gumilev L. N. Konets i vnov' nachalo [The End and the Beginning Again]. Moscow: Rol'f, 2001.

Еремеев, 1990: *Еремеев Д. Е.* «Тюрк» — этноним иранского происхождения? (К проблеме этногенеза древних тюрков) // Советская этнография. 1990. № 3. С. 129–135.

Eremeev D. E. “Tiurk” — etnonim iranskogo proiskhozhdeniia? [“Turk”, an ethnonym of the Iranian Origin?] // Sovetskaia etnografiia [Soviet Ethnography]. 1990. No. 3. P. 129–135.

Зуев, 1960: *Зуев Ю. А.* Тамги лошадей из вассальных княжеств // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. Алма-Ата: Изд-во АН Каз.ССР, 1960. С. 93–140.

Zuev Yu. A. “Tamgi loshadei iz vassal’nykh kniazhestv” [“The Tamgas of Horses from Vassal Principalities”] // Novye materialy po drevnei i srednevekovoi istorii Kazakhstana. [New Materials on the Ancient and Medieval History of Kazakhstan] Alma-Ata: Izdatel’stvo AN Kaz.SSR, 1960. P. 93–140.

Зуев, 1967: *Зуев Ю. А.* Древнетюркские генеалогические предания как источник по ранней истории тюрков. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1967.

Zuev Yu. A. Drevnetiurkskie genealogicheskie predaniia kak istochnik po rannei istorii tiurkov [Old Turkic Genealogical Legends as a Source for the Early History of the Turks]. Author’s Abstract of the Doctoral Thesis (History). Alma-Ata, 1967.

Зуев, 2002: *Зуев Ю. А.* Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы: Даик-Пресс, 2002.

Zuev Yu. A. Rannie tiurki: ocherki istorii i ideologii [Early Turks: Essays on History and Ideology]. Almaty: Daik-Press, 2002.

Иакинф, 1834: *Иакинф.* Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. СПб., 1834.

Iakinf. Istoricheskoe obozrenie oiratov ili kalmykov s XV stoletiiia do nastoiashchego vremeni [Historical Review on the Oirats or Kalmyks from the 15th Century to the Present Time]. St. Petersburg, 1834.

История Сибири, 1968: *История Сибири.* Т. I. Древняя Сибирь. Л.: Наука, 1968.

Istoriia Sibiri. Vol. 1. Drevniaia Sibir’. [History of Siberia. Vol. I. Ancient Siberia] Leningrad: Nauka, 1968.

История Тувы, 1964: *История Тувы.* Т. I. М.: Наука, 1964.

Istoriia Tuvy [History of Tuva]. Vol. 1. Moscow: Nauka, 1964.

Киселев, 1951: *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. М.: Изд-во АН СССР, 1951.

Kiselev S. V. Drevniaia istoriia Iuzhnoi Sibiri [Ancient History of Southern Siberia]. Moscow: Izdatel’stvo AN SSSR, 1951.

Кляшторный, 1964: *Кляшторный С. Г.* Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М.: Наука, 1964.

Klyashtorny S. G. Drevnetiurkskie runicheskie pamiatniki kak istochnik po istorii Srednei Azii [Old Turkic Runic Inscriptions as a Source on the History of Central Asia]. Moscow: Nauka, 1964.

Кляшторный, 1965: *Кляшторный С. Г.* Проблемы ранней истории племени тюрк (ашина) // Новое в советской археологии. М.: Наука, 1965. С. 278–281.

Klyashtorny S. G. Problemy rannei istorii plemeni tyrk (ashina) [Problems of the Early History of the Tyrk (Ashina) Tribe] // Novoe v sovetskoj arkheologii [New in Soviet Archaeology]. Moscow: Nauka, 1965. P. 278–281.

Кляшторный, 1986: *Кляшторный С. Г.* Кипчаки в рунических памятниках // Turcologica. 1986. Л.: Наука, 1986. С. 153–164.

Klyashtorny S. G. Kipchaki v runicheskikh pamiatnikakh [Kipchaks in Runic Inscriptions] // Turcologica. 1986. Leningrad: Nauka, 1986. P. 153–164.

Кляшторный, 2003: *Кляшторный С. Г.* История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2003.

Klyashtorny S. G. Istoriia Tsentral’noi Azii i pamiatniki runicheskogo pis’ma. [History of Central Asia and Monuments of Runic Script]. St. Petersburg: Filologicheskii fakul’tet SPbGU, 2003.

Кляшторный, Лившиц, 1971: *Кляшторный С. Г., Лившиц В. А.* Согдийская надпись из Бугута // Страны и народы Востока. Вып. X. М.: Наука, 1971. С. 121–146.

Klyashtorny S. G., Livshits V. A. Sogdiiskaia nadpis’ iz Buguta [Sogdian Inscription from Bugut] // Strany i narody Vostoka [Countries and Peoples of the East]. Vol. 10. Moscow: Nauka, 1971. P. 121–146.

Кляшторный, Савинов, 1994: *Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г.* Степные империи Евразии. СПб.: Фан, 1994.

Klyashtorny S. G., Savinov D. G. Stepnye imperii Evrazii [Steppe Empires of Eurasia]. St. Petersburg: Farn, 1994.

Кляшторный, Савинов, 2005: *Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г.* Степные империи древней Евразии. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005.

Klyashtorny S. G., Savinov D. G. Stepnye imperii drevnei Evrazii [Steppe Empires of Ancient Eurasia]. St. Petersburg: Filologicheskii fakul'tet SPbGU, 2005.

Кондратьев, 1981: *Кондратьев В. Г.* Грамматический строй языка памятников древнетюркской письменности VIII–XI вв. Л.: Изд-во ЛГУ, 1981.

Kondrat'ev V. G. Grammaticheskii stroi iazyka pamiatnikov drevnetiurkskoi pis'mennosti VIII–XI vekov. [Grammatical Structure of the Language of Monuments of Old Turkic Writing of the 8th–11th Centuries]. Leningrad: Izdatel'stvo LGU, 1981.

Кононов, 1949: *Кононов А. Н.* Опыт анализа термина түрк // Советская этнография. 1949. № 1. С. 40–47.

Kononov A.N. Opyt analiza termina türk [An Essay of Analyzing the Term Türk] // Sovetskaia etnografiia [Soviet Ethnography]. 1949. No. 1. P. 40–47.

Кононов, 1978: *Кононов А. Н.* Семантика цветообозначений в тюркских языках // Тюркологический сборник. 1975. М.: Наука, 1978. С. 159–179.

Kononov A.N. Semantika tsvetooboznacheniy v tiurkskikh yazykakh [Semantics of color designations in the Turkic languages] // Tiurkologicheskii sbornik [Collection of Works on Turkology]. 1975. Moscow: Nauka, 1978. P. 159–179.

Кормушин, 2011: *Кормушин И. В.* Заметки о соотносительных терминах «народ түрк» и «язык түрк» в древнетюркских текстах // Российская тюркология. 2011. № 2 (5). С. 8–11.

Kormushin I. V. Zаметki o sootnositel'nykh terminakh "narod türk" i "iazuk türk" v drevnetiurkskikh tekstakh [Notes on the Correlative Terms "Türk People" and "Türk Language" in Old Turkic Texts] // Rossiiskaia tiurkologiia [Russian Turcology]. 2011. No. 2 (5). P. 8–11.

Кормушин, 2016: *Кормушин И. В.* Среднеазиатский поход тюрков 710–711 гг. // Тюркологический сборник. 2013–2014. М.: Наука–Востлит., 2016. С. 104–116.

Kormushin I.V. Sredneaziatskii pokhod tiurok 710–711 godov [The Central Asian Campaign of the Turks in 710–711] // Tiurkologicheskii sbornik [Collection of Works on Turkology]. 2013–2014. Moscow: Nauka – Vostostochnaia literatura, 2016. P. 104–116.

Кормушин, 2020: *Кормушин И. В.* Почему в классификации А. Н. Самойловича язык орхоно-енисейской письменности отнесен им к юго-восточной (уйгуро-карлукской), а не к юго-западной (огузской) группе тюркских языков? // Российская тюркология. 2020. № 3–4 (28–29). С. 5–8.

Kormushin I. V. Pochemu v klassifikatsii A. N. Samoilovicha iazyk orkhono-eniseiskoi pis'mennosti otnesen im k iugo-vostochnoi (uiguro-karlukskoi), a ne k iugo-zapadnoi (oguzskoy) gruppe tiurkskikh iazykov? [Why, in the Classification by A. N. Samoilovich, the Language of the Orkhon-Yenisei Script is Attributed to the Southeastern (Uighur-Karluk), and not to the Southwestern (Oguz) Group of the Turkic Languages?] // Rossyskaia tiurkologiia [Russian Turcology]. 2020. No. 3–4 (28–29). P. 5–8.

Кузьменков, 1993: *Кузьменков Е. А.* Монгольская базисная лексика в «Сокровенном Сказании» // Mongolica: К 750-летию «Сокровенного сказания». М., 1993. С. 328–340.

Kuz'menkov E. A. Mongol'skaia bazisnaia leksika v "Sokrovennom Skazanii" [Mongolian Basic Vocabulary in the "Secret History of Mongols"] // Mongolica: K 750-letiiu "Sokrovennogo skazaniia" [Mongolica: To the 750th Anniversary of the "Secret History of Mongols"]. Moscow, 1993. P. 328–340.

Кызласов, 1984: *Кызласов Л. Р.* История Южной Сибири в средние века. М.: Высшая школа, 1984.

Kyzlasov L. R. Istoriia iuzhnoi Sibiri v srednie veka [The History of Southern Siberia in the Middle Ages]. Moscow: Vysshiaia shkola, 1984.

Кызласов, 2011: *Кызласов И. Л.* Алтаистика и археология. М.: Институт тюркологии. 2011.

Kyzlasov I. L. Altaistika i arkheologiia [Altaistics and Archaeology]. Moscow: Institut tiurkologii. 2011.

Лев Николаевич Гумилев, 2008: Лев Николаевич Гумилев. Письма к матери брата, О. Н. Высотской, другу, В. Н. Абросову, и брату, О. Н. Высотскому (1945–1991). СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2008.

Lev Nikolaevich Gumilev. Pis'ma k materi brata, O. N. Vysotskoi, drugu, V. N. Abrosovu, i bratu, O. N. Vysotskomu (1945–1991) [Letters to His Half-sibling's mother, O. N. Vysotskaia, friend, V. N. Abrosov, and his Half-sibling, O. N. Vysotskii (1945–1991)] St. Petersburg: Izdatel'stvo Pushkinskogo Doma, 2008.

Левашева, 1956: *Левашева В. П.* Тюркский каганат // Большая советская энциклопедия. 2-е изд. Т. 43. М., 1956.

Levasheva V. P. Tiurkskii kaganat [Turk Khaganate] // Bol'shaia Sovetskaia Entsiklopediia [The Great Soviet Encyclopedia]. 2nd edition. Vol. 43. Moscow, 1956.

Малов, 1951: *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951.

Malov S. E. Pamiatniki drevnetiurkskoi pis'mennosti. Teksty i issledovaniia [Monuments of Old Turkic Script.

Texts and Researches]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1951.

Насилов, 1960: *Насилов В. М.* Язык орхоно-енисейских памятников. М.: Изд-во восточной литературы, 1960.

Nasilov V. M. Iazyk orkhono-eniseiskikh pamiatnikov [The Language of the Orkhon-Yenisei Inscriptions]. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoi literatury, 1960.

Нестеров, 1990: *Нестеров С. П.* Конь в культурах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск: Наука, 1990.

Nesterov S. P. Kon' v kul'takh tiurkoiazychnykh plemen Tsentral'noy Azii v epokhu srednevekov'ia. [The Horse in the Cults of the Turkic-speaking Tribes of Central Asia in the Middle Ages]. Novosibirsk: Nauka, 1990.

Пономарев, 1940: *Пономарев А.* Куман-половцы // Вестник древней истории. 1940. № 3–4. С. 366–370.

Ponomarev A. Kuman-polovtsy // Vestnik drevnei istorii [Herald of Ancient History]. 1940. No. 3–4. P. 366–370.

Потапов, 1969: *Потапов Л. П.* Этнический состав и происхождение алтайцев. Л.: Наука, 1969.

Potapov L. P. Etnicheskii sostav i proiskhozhdenie altaitsev [Ethnic Composition and the Origin of the Altaians]. Leningrad: Nauka, 1969.

Пучков, 1988: *Пучков П. И.* Некоторые проблемы протоэтногенеза // Исчезнувшие народы. М.: Наука, 1988. С. 3–19.

Puchkov P. I. Nekotorye problemy protoetnogeneza [Some Problems of Proto-ethnogenesis] // Ischeznuvshie narody [Disappeared Peoples]. Moscow: Nauka, 1988. P. 3–19.

Савинов, 2008: *Савинов Д. Г.* Ранние тюрки на Енисее (археологический аспект) // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. Томск: Аграф-Пресс, 2008. С. 185–190.

Savinov D. G. Rannie tiurki na Enisee (arkheologicheskii aspekt) [Early Turks on the Yenisei (Archaeological Aspect)] // Vremia i kul'tura v arkheologo-etnograficheskikh issledovaniakh drevnykh i sovremennykh obshchestv Zapadnoi Sibiri i sopredel'nykh territorii: problemy interpretatsii i rekonstruktsii [Time and Culture in Archaeological and Ethnographic Studies of Ancient and Modern Societies of Western Siberia and the Neighbouring Territories: Problems of Interpretation and Reconstruction]. Tomsk: Agraf-Press, 2008. P. 185–190.

Сообщество «Родина слонов» в социальной сети «ВКонтакте», статья «Тюркский мир»: <https://vk.com/@rodinaslonov-turkskii-mir> (дата обращения: 02.05.2023).

The “Homeland of Elephants” Community on the Social Network “VKontakte”, the article “The Turkic World”: <https://vk.com/@rodinaslonov-turkskii-mir> (accessed: 02/05/2023).

Сравнительно-историческая, 2002: Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции. М.: Наука, 2002.

Sravnitel'no-istoricheskaia grammatika tiurkskikh iazykov. Regional'nye rekonstruktsii [Comparative-historical Grammar of the Turkic Languages. Regional Reconstructions]. Moscow: Nauka, 2002.

Стеблева, 2007: *Стеблева И. В.* Жизнь и литература доисламских тюрков. М.: Восточная литература, 2007.

Stebleva I. V. Zhizn' i literatura doislamskikh tiurkov [The Life and Literature of the Pre-Islamic Turks]. Moscow: Vostochnaia literatura, 2007.

Татаринцев, 1993: *Татаринцев Б. И.* Заимствования или исконная лексика? // Вопросы языкознания. 1993. № 1. С. 114–128.

Tatarintsev B. I. Zaimstvovaniia ili iskonnaia leksika? [Borrowings or basic vocabulary?] // Voprosy iazykoznanii [Questions of Linguistics]. 1993. No. 1. P. 114–128.

Тишин, 2022: *Тишин В. В.* Согдийцы в ранней истории Тюркского каганата (по поводу одной гипотезы) // Восточная Европа в древности и средневековье. Вып. XXXIV. М., 2022. С. 251–256.

Tishin V. V. Sogdiytsy v rannei istorii Tiurkskogo kaganata (po povodu odnoi gipotezy) [Sogdians in the Early History of the Turkic Khaganate (On one Hypothesis)] // Vostochnaia Evropa v drevnosti i srednevekov'e [Eastern Europe in Antiquity and the Middle Ages]. Vol. 34. Moscow, 2022. P. 251–256.

Тугушева, 2008: *Тугушева Л. Ю.* Тюркские рунические памятники из Монголии. М.: ИНСАН, 2008.

Tugusheva L. Yu. Tiurkskie runicheskie pamiatniki iz Mongolii [Turkic Runic Inscriptions from Mongolia]. Moscow: INSAN, 2008.

Фасеев, 1978: *Фасеев Ф. С.* Кто они так называемые «голубые тюрки»? // Источниковедение и история тюркских языков. Казань, 1978. С. 137–147.

Faseev F. S. Kto oni tak nazyvaemye “golubye tiurki”? [Who are They, the So-called “Blue Turks”?] // Istochnikovedenie i istoriia tiurkskikh iazykov [Studies on the Sources and History of the Turkic Languages]. Kazan, 1978. P. 137–147.

Deguignes, 1756: *Deguignes*. Histoire générale des Huns, des Turcs, des Mogols et des autres Tatares occidentaux... T. I, seconde partie. Paris, 1756.

Giraud, 1960: *Giraud R.* L'Empire des Turcs Celestes. Paris: Librairie d'Amérique et d'Orient Adrien-Maisonneuve, 1960.

Golden, 2021: *Golden P. B.* Reflections on the Ethnonym Türk // Tasar E., Frank A. J., & Eden J. (Eds.). From the Khan's Oven. Leiden: Brill, 2021. P. 1–50.

Kowalski, 1926: *Kowalski T.* Die ältesten Erwähnungen der Türken in der arabischen Literatur // Kőrösi csoma archivum. II. Kötet (1926–1932). S. 38–41.

Zimonyi, 2018: *Zimonyi I.* Changing Perceptions of Türk Identity Among the Medieval Nomads of Central Eurasia // *Studia Orientalia Electronica*. Vol. 6. 2018. P. 79–89.

HOW MANY ETHNIC GROUPS NAMED “TURK” EXISTED IN THE PERIOD OF THE TURKIC KHAGANATES? (THREE CONCEPTS OF SERGEI G. KLYASHTORNY AND ONE OVERLOOKED CONCEPT OF LEV N. GUMILEV)

Andrei S. SARAEV

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences

The paper focuses on a number of concepts on the origin of the Turks in the proper sense. No written nor archaeological sources give any sure evidence on this subject. That is why the scholars one by one propose different ideas on the turkic ethnogenesis. The most popular between them (first proposed by W. Barthold) is that the term “Turk” was the common name for many tribal nomad groups and never signified any unique ethnos. But some Russian scholars (especially Lev N. Gumilev and Sergei G. Kliashtorny) insisted that firstly existed the people “Turk” and only after the fall of both Turkic khaganates their name dispersed among other nomads as the common name. These latest hypotheses were also controversial and in every case we try to reconstruct the main idea of their authors.

Key words: Turks, Türküts, Göktürk, Turkic khaganates, Orkhon runic inscriptions, Yu.A. Zuev, historiography.

About the author: **Andrei S. SARAEV**, postgraduate fellow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). (andrejsaraev@yandex.ru) ORCID 0009-0005-4564-0903.